

Е.П. Блаватская

ДВОЙНОЙ АСПЕКТ МУДРОСТИ (THE DUAL ASPECT OF WISDOM)

Подлинно, *только* вы люди, и с вами умрет мудрость!

"Книга Иова", XII, 2

И оправдана премудрость чадами ее.

"От Матфея", XI, 19

Это привилегия -- и одновременно беда -- издателей получать многочисленные письма с мнениями и советами, -- не миновала эта участь и редакцию "Люцифера". Воспитанные на вечных афоризмах, они сознают, что "тот, кто может принять совет, превосходит того, кто дает его", и поэтому всегда готовы с благодарностью принять любое здоровое и практическое предложение от своих друзей; но последнее из полученных писем не удовлетворяет этим условиям. То, что нам предлагает наш советчик, это даже не его собственная мудрость, но мудрость времени, в котором мы живем, и он серьезно рискует своей репутацией проницательного наблюдателя при таком пристрастии к притязаниям современности. Нам рекомендуют встать на защиту "мудрости" нашего века; нас обвиняют в "предпочтении варварской античности нашей современной цивилизации с ее неисчислимыми благами" и в забвении того, что "мудрость нашего сегодняшнего дня в сравнении с инстинктами прошлого ничуть не ниже по своей *философской мудрости* даже времен Платона". Наконец, нам говорят, что мы, теософы, "слишком нежно любим туманный вчерашний день и несправедливы по отношению к нашему славному (?) настоящему, блистательному периоду высочайшей цивилизации и культуры"!!

Но все это лишь вопрос вкуса. Наш корреспондент вправе иметь свои взгляды, а мы -- свои. Пусть он воображает -- если ему это доставляет удовольствие, -- что по сравнению с Эйфелевой башней пирамида Гизы выглядит как кротовая кучка, а по сравнению с Хрустальным дворцом висячие сады Семирамиды выглядят как кухонный садик. Но если он серьезно призывает нас к тому, чтобы мы показали "в каком отношении наш век повседневного прогресса и гигантских мыслей" -- прогресса, слегка подпорченного, однако, нападками на Гексли наших Спеджонов и университетских дам, престарелых классиков и крикунов из "Армии спасения" -- уступает старым временам, находящимся, говоря его языком, под каблуком "Сократа и сидящего со скрещенными ногами Будды", то мы готовы ответить ему, излагая, разумеется, лишь наше собственное мнение.

Наш век, говорим мы, по своей мудрости ниже любого другого, поскольку он (и это становится все более заметным с каждым днем) *открыто исповедует презрение к истине и справедливости, без которых не может быть мудрости*. Ибо наша цивилизация, построенная из пены и пустой видимости, в лучшем случае напоминает прекрасное зеленое болото, переходящее в мертвую трясиину. Ибо наш век культуры и поклонения материи, награждающий разнообразными призами и премиями за всякую "выдающуюся вещь" под Солнцем, от самого крупного ребенка и самой огромной орхидеи, до сильнейшего из боксеров и самой жирной свиньи, никоим образом не поощряет нравственность, -- за нравственную добродетель премий не полагается. Ибо имеются Общества, созданные для предотвращения физической грубости по отношению к животным, но нет никаких организаций, имеющих целью предотвратить нравственную грубость по отношению к людям. Ибо легально и молчаливо поощряется грех в любой форме, от продажи виски до вынужденной проституции и воровства, вызванных обрекающей на голод оплатой труда, Шейлокоподобными* <1> вымогательствами, рентами и другими прелестями нашего культурного периода. Ибо, в конце концов, этот

век, хотя и заявляющий о себе как о времени физической и нравственной свободы, на самом деле является веком наиболее жестокого нравственного и умственного рабства, подобного которому никогда не было до сих пор. Рабство по отношению к государству и *человеку* исчезло только для того, чтобы освободить место для рабства по отношению к *вещам* и *эго*, своим собственным страстям и идиотским общественным обычаям и образу жизни. Скоротечная цивилизация, приспособленная к нуждам высшего и среднего классов, обрекла на еще большее несчастье голодающие массы. Уравняв два первых класса, она выработала в них пренебрежение к сущности по сравнению с внешней видимостью и формой, и таким образом поместила современного человека в низменное тюремное заключение, в рабскую зависимость от неодушевленных предметов, использование которых и служба которым становится главным долгом каждого *культурного* человека.

В чем же заключается, в таком случае, мудрость нашего века?

На самом деле, не нужно многого для того, чтобы показать, почему мы преклоняемся перед древней мудростью и абсолютно отказываемся видеть ее проявления в нашей современной цивилизации. Однако, для начала надо определиться, что подразумевает наш критик под словом "мудрость"? Хотя мы никогда не восхищались чрезмерно Лактанцием, но все же мы должны признать, что даже этот простодушный отец церкви, со всеми его язвительными насмешками в адрес гелиоцентрической системы, очень точно определил это понятие, говоря, что "первым шагом к мудрости является выделение того, что ложно, а вторым -- понимание того, что истинно". Если это так, то какой шанс существует для нашего века, фальсифицирующего все, от Библейских текстов до натурального масла, претендовать на "мудрость"? Но прежде чем вплотную приступить к данному вопросу, мы хотели бы дать собственное определение этому термину.

Для начала можно сказать, что мудрость -- это весьма растяжимое понятие, во всяком случае в европейских языках. Оно не дает какой-либо ясной идеи относительно своего значения, если только с этим существительным не сочетается какое-либо пояснительное прилагательное. В Библии, еврейский эквивалент *Хокма* (греческая *София*) применяется в отношении самых разных вещей -- и абстрактных, и конкретных. Так, мы встречаем мудрость в качестве характеристики и божественного устремления, и земного умения и ремесла; как означающую Тайное Знание эзотерических наук, так и слепую веру; описываемую как "страх перед Господом", так и деяния фараонских магов. Это слово употребляется без каких-либо различий по отношению к Христу и волшебству, ибо колдунья Седекла*^{<2>} называется "*мудрой женщиной* из Аэндора". Начиная с древнейшего христианства, от св. Иакова (III, 13-17), и вплоть до последнего кальвинистского проповедника, который видит в аде и вечном проклятии доказательство "*Всемогущей мудрости*", этот термин употреблялся в самом разнообразном смысле. Но св. Иаков различал два вида мудрости; и мы полностью согласны с его учением. Он проводит жесткую разделительную линию между божественной, или *ноэтической* "софией" (мудростью свыше) и земной, психической и дьявольской мудростью (III, 15). Для истинного теософа мудростью является только первая. Он мог бы сказать то же, что и св. Павел, говоривший, что мудрость принадлежит исключительно тем, кто "совершенен", то есть тем, кто посвящен в мистерии или по крайней мере знаком с основами священных наук. И как бы велика ни была его ошибка, и сколь преждевременной ни была бы его попытка посадить семена *истинного и вечного знания* в неподготовленную почву, его намерения были бы все равно хорошими и бескорыстными, и *за это* он был бы побит камнями. Ибо, если бы он пытался молиться чему-то, кого он сам выдумал, или если бы он делал это ради корысти, то кто бы тогда заметил его и попытался бы уничтожить среди множества других лживых сект, ежедневных "сборищ" и безумных "обществ"? Но наш

случай совсем иного рода. Как бы осторожен он ни был, он говорит все же не о "мудрости века сего", а об *истине*, или о "премудрости тайной, сокровенной ... которой никто из властей века сего не познал",*^{<3>} а тем более -- *властители* нашей современной науки. Однако, что касается "психической" мудрости, которую Иаков определяет как земную и дьявольскую, то она существовала во все века, со времен Пифагора и Платона, когда на одного *философа* приходилось девять *софистов*, и вплоть до наших дней. Наш век приветствует такую мудрость, и на самом деле он имеет на это полное право. Кроме того, это одежда, которую легко натянуть на себя; и никогда не было такого времени, когда вороны отказывались бы наряжаться в павлиньи перья, если предоставлялась такая возможность.

Но сейчас, как и тогда, мы имеем право анализировать используемые термины и спрашивать словами из книги Иова, этой наводящей на мысли о кармическом очищении и ритуалах посвящения аллегории: "Но где премудрость обретается? и где место разума?" ("Иов", XXVIII, 12), -- и отвечающей его же словами: "В старцах мудрость, и в долголетних разум" ("Иов" XII, 12).

Теперь мы должны определить значение еще более неоднозначного термина, а именно -- слова "древность", и попытаться объяснить его. Согласно интерпретации ортодоксального христианства, это слово имеет в устах Иова одно значение; но у каббалистов -- совсем другое; в то же время в гнозисе оккультистов и теософов оно имеет несомненно третье значение, которое содержится в первоначальной "Книге Иова", до-Моисеевом признанном трактате по инициации. Так, каббалист использует дополнение "древний" к Проявленному СЛОВУ, или ЛОГОСУ (*Дабар*) вечно сокрытого и непознаваемого божества. Даниил, в одном из своих видений, также использует его, когда говорит о Яхве -- андрогинном Адаме Кадмоне. Церковник связывает его с антропоморфным Иеговой, "Господом Богом" в *переводах* Библии. Но восточный оккультист использует этот мистический термин только тогда, когда он говорит о перерождающемся высшем эго. Поскольку божественная мудрость растворена в бесконечной вселенной, и наше безличное ВЫСШЕЕ ЭГО, является ее неотъемлемой частью, то *атмический* свет последнего может быть сконцентрирован только в том, что, будучи вечным, в то же время индивидуализировано -- то есть в ноэтическом принципе, проявленном Боге внутри каждого разумного существа, или нашем высшем *манасе*, едином с *буддхи*. Именно этот коллективный свет представляет собой "мудрость, данную свыше", и когда бы он не падал на личное эго, он оказывается "чистым, мирным и спокойным". Отсюда утверждение Иова о том, что "мудрость в старцах", или в *буддхи-манасе*. Ибо божественное духовное "я" -- единственно вечное, неизменное во всех рождениях; тогда как "личности", которые последовательно заполняют ее, мимолетны, они мелькают как тени в калейдоскопе изображений в волшебном фонаре. Это -- "старец", ибо называется ли он софией, Кришной, буддхи-манасом или Христом, -- это всегда "первенец" *алайя-махата*, вселенской души и разума вселенной. Итак, утверждение Иова, если его прочесть эзотерически, гласит: "В старцах (человеческом высшем эго) мудрость, и в долголетних (или количестве его перерождений) разум". Никто не может постигнуть в одном рождении истинную и окончательную мудрость; и каждое новое рождение, независимо от того, перерождаемся ли мы на счастье или на горе, -- это еще один урок, который мы получаем от сурового, но всегда справедливого наставника -- КАРМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Но мир -- во всяком случае, западный мир -- не знает об этом ничего, и отказывается чему-либо учиться. Для него любое упоминание о божественном эго или множественности рождений -- это не более, чем "языческая глупость". Западный мир отвергает эти истины и не признает никаких *здоровомыслящих* людей кроме тех, которых он сам создал, сотворил по своему собственному образу, которые родились в

христианскую эру, с характерными для этого периода знаниями. Единственная "мудрость", которая признается и практикуется -- это психическая, "земная и дьявольская" мудрость, о которой говорил Иаков, и это приводит к искажению *истинной* мудрости и деградации. Оставляя в стороне ее многочисленные разновидности, отметим, что в нашем падшем мире имеются два вида "приземленной" мудрости -- действительная и кажущаяся. Между ними обоими, даже для поверхностного наблюдателя этого грешного мира, простерлась широкая пропасть, и однако, как мало людей согласны увидеть ее! Причина этого вполне естественна. Человеческий эгоизм столь силен, что как только на карту ставится малейший личный интерес, то люди становятся глухи и слепы к истине, как сознательно, так и бессознательно. Немного есть людей, способных быстро увидеть разницу между теми, которые мудры, и теми, которые только *кажутся* мудрыми; причем последних считают таковыми главным образом потому, что они очень хорошо умеют дуть в собственную трубу. И достаточно о "мудрости" в этом мире непосвященных.

Что касается людей, погруженных в мистические учения, то здесь положение столь же плачевно. Положение дел изменилось странным образом по сравнению с прежними временами, когда истинный мудрец считал своей первой обязанностью скрывать свое знание, считая его слишком священным, чтобы даже упоминать о нем перед *hoi polloi* [массаами]. Тогда как средневековый розенкрейцер, истинный философ, помня о старом Сократе, каждый день повторял, что все, что он знает, это то, что он не знает ничего, -- то его современный самозванный последователь заявляет устно и письменно, что те тайны природы и ее оккультных законов, о которых он ничего не знает, вообще никогда не существовали. Было время, когда приобретение божественной мудрости (*sapientia*) требовало жертвенности и посвящения этому всей жизни человека. Оно зависело от таких вещей, как чистота помыслов кандидата, его бесстрашия и независимости духа; сейчас же получение патента на мудрость и статус адепта требует одной лишь беззащитной наглости. Удостоверение о божественной мудрости выдается сейчас самозванному "*аденту*" простым большинством голосов невежественных и легковверных глупцов, причем множество болтунов, спустившись с крыши "храма науки", будет объявлять об этом всему миру на каждой базарной площади. Скажите публике, что сейчас, как и в древние времена, истинный и искренний наблюдатель жизни и лежащих в ее основе явлений, интеллигентный исследователь, работающий в союзе с природой, может стать знатоком ее тайн и, таким образом, "мудрым человеком" в земном смысле этого слова, но, с другой стороны, что *материалист* никогда не вырвет у природы какой-либо тайны в высшем плане, -- и вы тут же станете объектом насмешек и издевательств. Добавьте, что "мудрость свыше" не снизойдет ни к кому, кроме того, кто *sine quâ non* [как неперемное условие] оставляет на пороге оккультного малейший атом эгоизма, или пожеланий личного благополучия, -- и вы тут же будете объявлены вашей аудиторией кандидатом в сумасшедший дом. И тем не менее, это очень и очень старая истина. Природа выдает свои глубочайшие тайны и сообщает *истинную мудрость* только тому, кто ищет истину ради нее самой, и кто страстно мечтает о знании для того, чтобы обеспечить благо других, а не своей собственной, не очень важной, личности. И поскольку почти каждый кандидат в адепты и маги стремится как раз к этому *личному благу*, и лишь немногие согласны учиться столь дорогой ценой и со столь малыми надеждами благо для себя, то истинно мудрые оккультисты становятся с каждым веком все более редкими. Действительно, сколько таких людей, которые не предпочли бы блуждающие огоньки преходящей славы устойчивому и постоянно возрастающему свету вечного *божественного* знания, если оно должно послужить всем, а не ему одному?

То же самое в мире материалистической науки, где мы наблюдаем исключительную нехватку истинно знающих людей и множество толстокожих ученых, требующих, чтобы каждого из них считали Архимедом или Ньютоном. Как вверху, так и внизу. Ученых,

которых ищут знания ради того, чтобы добыть факты и истины, и стремятся поделиться ими, хотя бы они были и неприятны, не для того, чтобы удовлетворить свои личные амбиции, -- таких ученых можно пересчитать при помощи пальцев на одной руке; а имя тех, кто претендует на это звание, -- легион. В наши дни репутация ученых создается, по-видимому, прежде всего путем внушения, основанного на гипнотическом принципе, а не на основании истинных достоинств. Массы съезжаются от страха перед тем, кто обманчивым путем навязывает себя им; и отсюда такое множество людей, считающихся видными в науке, литературе и искусстве; и их принимают так легко потому, что в большинстве случаев они отличаются исключительной самоуверенностью и отстаиванием своих прав. Но если внимательно проанализировать, то многие ли из них действительно заслуживают того, чтобы их считать "мудрыми" даже по меркам земной мудрости? Многие ли из так называемых "авторитетов", спрашиваем мы, и "лидеров" могли бы доказать, что они лучше тех, о ком было сказано одним воистину мудрым человеком: "слепые вожди слепцов"? Совершенно ясно, что никому из современных учителей или проповедников не дана "мудрость свыше". Это доказывается не только неточностями, содержащимися в их утверждениях, или ошибками в их собственной жизни, ибо "заблуждение свойственно человеку", но это вытекает из неопровержимых фактов. *Мудрость и истина* -- это синонимы, и то, что ложно и пагубно, не может быть *мудрым*. Поэтому, если верно то, о чем нам говорили хорошо известные представители англиканской церкви, что "Нагорная проповедь", если бы ее осуществить на практике, привела бы к полному разрушению нашей страны меньше чем за три недели; и если не менее верно то, в чем уверяет один научный критик, что "похоронный звон по учению Чарлза Дарвина звучит в последней книге Э. Р. Уоллеса",*⁴ то мы вольны выбирать то или другое направление. Мы можем или принять, исходя из слепой веры, и теологию, и науку; или же мы можем объявить и ту и другую не истинной и не заслуживающей доверия. Правда, существует еще и третий путь: *притвориться, что мы доверяем обеим, и ничего не говорить об этом*; однако это было бы грехом по отношению к теософии и потворствовало бы предрассудкам общества, -- поэтому мы отвергаем его. И более того: мы заявляем открыто, *quand tete*, что ни один из них, ни теолог, ни ученый, не имеет права утверждать, что у первого имеется божественное вдохновение, а у второго -- точная наука; ибо первый проводит в жизнь то, что по его собственному признанию, вредно для людей и государств, -- т. е. этику Христа; а другой (в лице знаменитого натуралиста Э. Р. Уоллеса, как это показано м-ром Самюэлем Батлером) пропагандирует эволюционное учение Дарвина, в которое больше не верит; более того, ту схему событий, *которой никогда не существовало в природе*, если правы оппоненты дарвинизма.

Тем не менее, если бы кто-нибудь позволил себе назвать "немудрыми" или "ложными" принятые миром авторитеты или объявить их поведение неискренним, его немедленно вынудили бы замолчать. Сомневаться в возвышенной религиозной мудрости покойного кардинала Неймана, или англиканской церкви, или в мудрости наших значительных современных ученых -- это значит согрешить против Святого Духа и Культуры. Горе тому, кто откажется признать "избранника" мира сего. Каждый должен склоняться перед тем или другим, хотя, если прав один, то другой *должен* быть неправым; и если ни "мудрость" епископа, ни "мудрость" ученого не "дарована свыше", -- как это с замечательной справедливостью продемонстрировано нашим временем, -- тогда их "мудрость", в лучшем случае -- "земная, психическая, дьявольская".

Наши читатели должны всегда помнить, что ничто из приведенного выше не означает неуважения к *истинному* учению Христа, или *истинной* науке: мы осуждаем не личности, но системы нашего цивилизованного мира. Оценивая свободу мысли превыше всего и как единственный путь достижения в будущем той мудрости, к которой должен стремиться каждый теософ, мы признаем право на такую свободу для наших оппонентов в той же

степени, как и для наших единомышленников. Все, с чем мы спорим, это с их претензиями на мудрость -- в нашем понимании этого термина. Мы вовсе не порицаем, но скорее глубоко сожалеем в нашем сердце о том, что "мудрые люди" нашего века пытаются проводить одну-единственную политику, что продолжается и в период их высочайшего "авторитета"; они не могли бы, даже если бы хотели, действовать другим образом и сохранить свой *престиж* в глазах масс или избежать немедленного изгнания из общества своих коллег. Партийный дух столь силен в том, что касается старых путей, что перейти на иной путь означает совершить преднамеренное предательство по отношению к этому духу. Таким образом, для того, чтобы сегодня считаться авторитетом в каком-либо частном вопросе, ученый должен *nolens volens* [волей-неволей] отвергнуть метафизику и теологию, которые высказывает презрение к материалистическим учениям. Все это является общераспространенной политикой и практикой здравого смысла, но это не есть *мудрость* ни Иова, ни Иакова.

Не покажется ли это чрезмерной хитростью, если, основывая наши слова на жизненных наблюдениях и опыте, мы осмелимся предложить наши идеи в качестве быстрее и наиболее эффективного средства для того, чтобы получить нам сегодня всеобщее уважение и стать "авторитетами"? Показывать глубочайшее уважение к зернам любых партийных банальностей и предлагать себя в качестве главного палача, который казнит репутации людей и вещей, которые считаются непопулярными. Понять, что главная тайна власти состоит в том, чтобы потворствовать популярным предрассудкам, тому, что нравится или не нравится миру. Как только это принципиальное условие выполнено, тот кто его практикует может быть уверен, что он привлечет к себе образованных людей и их спутников -- менее образованных -- тех, чье правило состоит в том, что они всегда находятся на безопасной стороне общественного мнения. Это приводит к совершенной гармонии или коллективной деятельности. Ибо, поскольку излюбленная позиция культурных людей состоит в том, чтобы прятаться за интеллектуальными бастионами любимых лидеров научной мысли, и *jurare in verba magistri* [клясться словами учителя], то менее культурные люди должны трансформировать себя в доверчивые, механические телефонные аппараты своих владык и повторять как тренированные попугаи *изречения* своих непосредственных руководителей. Афористическое наставление м-ра Артемуса Уорда: "Почешите мою спину, г-н редактор, а я почешу вашу", -- доказывает свою вечную правоту. "Восходящая звезда", будь он теологом, политиком, писателем, ученым или журналистом, должен начать с "чесания спины" общественных вкусов и предрассудков, -- гипнотический метод, столь же старый, как и человеческая суэта. Постепенно загипнотизированная масса начинает мяукать, они становятся готовыми для "внушения". Теперь можете внушать им все, что захотите, и они скоро отплатят вам за вашу ласку и будут приветствовать ваши увлечения, и потворствовать, в свою очередь, чему-либо внушаемому теологом, политиком, писателем, ученым или журналистом. Таков простой секрет процветания и превращения в "авторитет" или "лидера масс"; и таков секрет нашей современной мудрости.

И это также секрет и истинная причина *непопулярности* "Люцифера", и остракизма, устроенного современным миром по отношению к Теософскому обществу: ибо ни "Люцифер", ни Общество, к которому он принадлежит, никогда не следовали золотому правилу м-ра Артемуса Уорда. Ни один истинный теософ, на самом деле, не согласился бы стать идолом модной доктрины, так же как он не стал бы рабом пришедшей в упадок системы, дух которой исчез навсегда. Не будет он потворствовать кому-либо или чему-либо, и он будет постоянно отказываться от того, чтобы обнаруживать веру в то, во что он не верит, и не сможет он поверить в то, что кажется ложным для его собственной души. Поэтому там, где другие видят "красоту и изящество" современной культуры, теософ видит только нравственное уродство и кувырканье клоунов так называемых культурных

центров. Ничто не кажется ему более относящимся к современному модному обществу, чем описание папских ритуалов, сделанное Сиднеем Смитом: "Поза и обман, сгибания и коленопреклонения, поклоны направо, реверансы налево, и огромное количество мужских (и, особенно, дамских) шляп". Несомненно, для некоторых мирских умов современная цивилизация может выглядеть весьма привлекательно; но для теософов все ее щедроты едва ли могут оплатить те злодеяния, которые она принесла в мир. Их так много, что в рамках этой статьи невозможно перечислить те плоды культуры и физической науки, последние достижения которых начинаются вивисекцией и заканчиваются усовершенствованными способами убивания посредством электричества.

Наш ответ, без сомнения, не рассчитывает на то, чтобы сделать из нас скорее друзей, чем врагов, но этому едва ли можно помочь. Наш журнал можно признать "пессимистичным", но никто не может обвинить его в том, что он публикует ложь или клевету, или что-либо помимо того, что мы искренне считаем истиной. Как бы там ни было, мы надеемся никогда не утратить нравственной смелости в выражении своих взглядов и в защите теософии и ее Общества. И если бы даже девять десятых населения выступило бы против Теософского общества, -- им никогда бы не удалось подавить истину, которую оно высказывает. Пусть массы последователей материализма, воинство спиритуализма, все церковные конгрегации, фанатики и иконоборцы, поклонники Гранди, обезьянничающие последователи и слепые подражатели, пусть они клеветуют, оскорбляют, лгут, разоблачают, публикуют всякие фальшивки о нас, -- они не смогут искоренить теософию, они не смогут даже разрушить ее Общество, если только его члены будут держаться вместе. Пусть даже такие друзья и советчики, как наш оппонент, с неудовольствием отвернутся от нас -- это не имеет значения, поскольку наши жизненные пути идут в диаметрально противоположном направлении. Пусть он держится за свою "земную" мудрость. Мы будем верны тому чистому лучу, "который приходит свыше", от света "древних".

Что еще остается делать *теософии*, имеющей МУДРОСТЬ -- ту самую мудрость, которая "полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна" (Иаков III,17), -- с нашим грубым, эгоистичным, хитрым и лицемерным миром? Что общего есть между божественной софией и достижениями современной цивилизации и науки, между духом и буквой, которая убивает? Это тем более верно, поскольку на этой стадии эволюции самый умный человек на земле, как сказал мудрый Карлейль, это "лишь способный ребенок, произносящий буквы из иероглифической пророческой книги, словарь которой содержится в *вечности*".

"Люцифер", сентябрь 1890 г.

*<1> Шейлок -- литературный персонаж, бессердечный, жадный ростовщик. -- *Прим. ред.*

*<2> См. "Первую книгу Царств", XXVIII, 7-25. -- *Прим. ред.*

*<3> "Первое послание к коринфянам", II.

*<4> См. "Тупик дарвинизма" Самюэля Батлера во "Всемирном обозрении" за апрель 1890 г.
